

Юлия ЩЕРБИНИНА

«ОЩУЩАЕМ И НЕВЕРУЮЩИМ В НЕГО»

Заметки о богохульстве

Бог всегда пребудет Бог, ощущаем и неверующим в него. Но если думаешь, что хулением Всевышний оскорбится, — урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещотку или биющему в набат доверия не даст.

Александр Радищев.

Путешествие из Петербурга в Москву

Богохульство — обширнейший и до сих пор очень неоднозначный феномен, с длинной историей и богатой «поэтикой». Это понятие одновременно и лингвистическое (речевой акт), и религиозное (грех), и юридическое (правонарушение), и социальное (протест). Обобщенно богохульство понимается как оскорбительное и непочтительное использование имени Бога (богов), поношение и поругание объектов религиозного поклонения. В широком смысле это не только крайнее неуважение к святыням, но вообще любое преступление против веры.

Близки, но не полностью тождественны богохульству понятия *кощунство* и *святотатство*. Основные отличия — в объекте и в словесной форме. Под богохульством надо понимать прежде всего надругательство над самой верой, под кощунством — неуважение к церковным правилам, предметам культа, ритуалам, обрядам. Богохульство — это главным образом оскорбления, нападки; кощунство — язвительные насмешки, злые шутки, уничижительное пародирование. Слово «святотатство», происходящее от древнерусского «татъба» (воровство), первоначально означало посягательство на церковную собственность. Святотатственными считались и воровство в церковные праздники, и поругание домашних святилищ. Сейчас святотатство имеет более общий смысл: преступное ограбление и осквернение сакральных мест (храмов, кладбищ) и священных предметов (икон, церковной утвари).

Сегодняшние споры о богохульстве — это в основном полемика о критериях, рамках, границах допустимого в высказываниях о сакральном. Нынешние секулярные аналоги богохульства — *оскорбление религиозных чувств, унижение обрядов, разжигание розни*. Современное европейское право соотносит бого-

Юлия Владимировна Щербинина — филолог, доктор педагогических наук, специалист в области книговедения и коммуникативных дисциплин. Автор ряда научных, научно-популярных, учебных книг и многочисленных статей в журнальной периодике. Лауреат премий журнала «Нева» (2014), журнала «Октябрь» (2015).

хульство с *непристойностью*. Законодательства многих европейских стран (например, Италии, Ирландии, Греции, Германии, Норвегии) еще предусматривают те или иные наказания за оскорбление святынь, но их практическое правоприменение сведено к минимуму либо вообще прекращено. Понятие богохульства, с одной стороны, заметно размывается, с другой — замещается криминальными терминами *хулиганство*, *вандализм* либо социальным определением *свободомыслие*. Богохульство становится неподсудным, но превращается в инструмент социальной борьбы. Прежде мучеников за веру объявляли богохульниками — сейчас богохульников называют мучениками за свободу.

Нынешняя борьба на религиозном поле, порой доходящая до пределов ожесточения и абсурда, всевозможные терминологические ошибки и явные спекуляции в вопросах веры, непрекращающиеся споры о предметах и объектах богохульства — все это заставляет вспомнить исторический контекст и по-новому осмыслить причины данной проблемы.

Богохульство в античности

В афинском праве существовало перешедшее затем в христианское богословие понятие *асебия* (греч. «безбожие»), которое означало совокупность действий, несовместимых с почитанием богов и соблюдением религиозных обрядов: осквернение святынь, воровство из храмов; отрицание, забвение, высмеивание божеств. Асебия считалась государственным преступлением и каралась изгнанием или смертной казнью. Хрестоматийный пример — судьба Сократа, обвиненного в асебии и казненного через самопринятие чаши с ядом цикуты. Согласно Платону, обвинялся Сократ непосредственно в том, что «не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества и повинен в том, что развращает юношество». За этой формулировкой, как известно, скрывались чисто политические претензии. Сам философ категорически отверг все обвинения как клеветнические, отказался от спасительного бегства из Афин и достойно принял смерть.

В римском праве богохульство первоначально не каралось. Римляне считали богов достаточно могущественными и самостоятельно способными покарать своих обидчиков. Император Тиберий провозгласил: «Оскорбление богов — дело самих богов» (лат. *Deorum injuriae diis curae*). Почитание культа сводилось в основном к соблюдению внешней обрядности. Насмешки над богами в театральных постановках могли вызвать бурные овации, особенно если это были трагедии Энния и комедии Плавта.

При этом, завоевывая другие народы, римляне достаточно лояльно относились к их божествам, не уничтожая и не изгоняя. «Всякому государству принадлежит своя религия, нам — наша», — провозгласил Цицерон. Впрочем, такое отношение заключалось в самой природе политеизма: для многобожия по определению нет богов «ложных» или «плохих». Боги могут быть более и менее могущественны, но все одинаково истинны. Потому римляне воздавали дань уважения египетской богине Изиде, сирийской Астарте, каппадокийской Ма, некоторым финикийским и фригийским божествам.

В античной литературе — что греческой, что римской — если и встретишь богохульника, то скорее не как ругателя богов, а как соперника, оспаривающего власть и могущество. Взять, например, царя Капанея — героя древнегреческих мифов и одноименной трагедии Тимесифея. Во время осады Фив, пытаясь взобраться на городскую стену по приставной лестнице, Капаней выкрикнул дерзкую

клятву: во что бы то ни стало захватить город, даже если это будет против воли богов. Разгневанный Зевс поразил его молнией — и Капаней упал со стены. Другой мифологический персонаж и действующее лицо трагедий Эсхила, Софокла, Сенеки — царь Тантал — тоже прогневил богов непомерной гордыней и нанесенным оскорблением, за которое его низвергли в Аид. Зевс поступил с Танталом еще хуже, чем с Капанеем: навалил на голову гору и обрек на невыносимые мучения от голода и жажды. Отсюда известный фразеологизм «танталовы муки» — то есть ужасные нескончаемые страдания.

«Принцип Тиберия» пошатнулся в отношениях с христианами, которые веровали в единого Бога и не желали признавать никаких иных божеств. К тому же с укреплением имперской власти цезари получили статус сакральных особ (лат. *august et divus*), непризнание которых считалось богохульством, что стало официальным основанием для преследования христиан. И сама идея единобожия, и присущий христианам прозелитизм оказались настолько чужды римлянам, что первые христиане подверглись ярым гонениям и обвинениям в богохульстве, под которым подразумевались как непочитание римских богов, так и «оскорбление величества» императора.

Первым же и опаснейшим из богохульников был объявлен, как известно, сам Иисус Христос. Согласно Евангелию от Матфея, Иисус говорил: «Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных». Тогда первосвященник Каиафа в ярости разодрал свои одежды и возопил: «Он богохульствует! На что еще нам свидетели? Вот, теперь вы слышали богохульство Его!..»

«Кораблекрушение в вере»

Далее происходит важнейший аксиологический поворот, точнее, переворот: вначале глумились над Христом — потом карали его хулителей. Римское законодательство христианской эпохи установило уголовное наказание за богохульство. Преследование поношений божества вводится императором Юстинианом Великим в 77-й новелле (*Novellae Constitutiones*) и содержит прямые указания относительно богохульников. Юридический состав богохульства здесь еще не определен, оно названо обобщенно «непристойностью», однако Римская империя — фактически первое государство, принявшее закон о защите чувств верующих.

В византийском законодательстве под богохульством также понимался весьма широкий и размытый круг деяний, оскорбляющих христианство. Это открывало поистине неограниченные возможности для обвинений в ереси и богоотступничестве, что мы и наблюдаем на протяжении многих столетий в слиянии церковного понятия *грех* и юридического термина *преступление*. Однако при всех расхождениях в трактовке богословских понятий христиане сходились в одном: предельное, крайнее богохульство есть поругание Святого Духа — сознательное и упорное отвержение спасительной божественной благодати, которое, в отличие от любой другой хулы, не прощается никогда (Мф. 12: 31–32).

Проявления богохульства разделялись в христианстве на «неправильные», то есть инакомысленные (высказывания вроде «Бог жесток, несправедлив») и вызывающие божий гнев (вроде «Долой Бога!»). Различалось еще богохульство намеренное (с целью оскорбления) и непреднамеренное (в порыве гнева, минуту отчаяния). Классическое же определение сути богохульства дано Фомой Аквинским, считавшим его тягчайшим из грехов: «Мы или лишаем Бога того, что принадлежит Ему, или, напротив, приписываем Ему то, что Ему не принадлежит».

Наряду с теологическими, известны и метафорические определения богохульства. Апостол Павел говорил о богохульщиках как о «потерпевших кораблекрушение в вере». По Иоанну Златоусту, «богохульник — тот же осел, не вынесший тяжести гнева и упавший». Сам же Фома Аквинат уподоблял неправильно говорящего о Боге фальшивомонетчику.

Наконец, в ранней юридической практике различались прямые, непосредственные акты богохульства (оскорбительные нападки, порочащие высказывания) и опосредованные преступления против Бога. К последним относились *лжеприсяга* (присяга с упоминанием божественного имени и намеренное ее неисполнение); *божба* (клятвы именем Бога, Его страданиями, таинствами, властью или частями Его существа — например, головой); религиозное *суесловие* (упоминание Бога, святых всуе — то есть напрасно, легкомысленно, небрежно, без должного почтения и благоговения).

Позднее лжеприсяга выводится из компетенции церковного суда большинства европейских стран, однако еще некоторое время рассматривается как преступление. В данном случае богохульство трактуется как вероломство, нарушение клятвы. Божба и суесловие впоследствии совсем исключаются из проявлений богохульства, хотя в ряде стран тоже еще какое-то время продолжают считаться религиозными преступлениями. Сейчас подобные высказывания обобщенно именуется *профанизмами*¹ (лат. *pro fano* — букв. «снаружи храма», «не допущенный в храм»), то есть употреблением религиозных понятий в профанном (сниженном, но не оскорбительном) смысле.

Заграждать уста

Интересно, что средневековые обвинения именно в богохульстве не столь уж часты, тогда как обличения в ереси носили тогда массовый характер. Однако *еретик* автоматически считался *богохульником*. Инквизиторы виртуозно жонглировали этими понятиями, хотя нередко — в абсолютной искренности и твердой убежденности, являя образец религиозного фанатизма.

Инквизиция возомнила, что она-то и есть Тело Церкви, что несовершенные и бранные тела окормляемых ею духовных чад можно жечь, резать, рвать, складывая в троеперстие натруженные пытками ладони. Лучшим средством «заграждать уста» считалось терзание плоти, а высшим проявлением любви — подношение креста к устам осужденных на казнь. В инквизиторском дискурсе, равно как и в народном средневековом сознании, искусственно конструировался зловеющий опасный образ еретика как социального жупела и как словесного ярлыка, навешивание которого исторгало человека из общества, из публичного пространства, из коммуникации.

Что же касается наказаний за богохульство, то эта практика поначалу шла путем ужесточения. Если, скажем, Второй Равеннский собор (1311) всего лишь отлучал на месяц впервые уличенных в богохульстве, а злостным ругателям отказывал в церковном погребении, то Пятый Латеранский собор (1514) уже установил целую карательную систему, где были и «штрафное» посещение месс, и покаянное паломничество, и тюрьма, и галеры, и суточное позорное стояние перед городским собором в «митре бесславия». Начиная с XV столетия богохульников в Европе все чаще стали карать лютой смертью, преимущественно через сожжение на костре,

¹ Термин российского филолога Владимира Жельвиса. См., например: Жельвис В. И. Богохульство как речевой жанр // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 90—95.

а в Русском Царстве XVI века сожжением в срубе — заполненном паклей и смолой сооружении из бревен.

Наказания за богохульство долгое время строились на *метонимической* логике: каралась часть человеческого естества, «виновная» в поругании божества. Лжеприсяжникам отсекали руки или отдельные пальцы, которыми клялись именем Господа. За непристойную божбу верхнюю губу прижигали раскаленным железом, нижнюю рассекали бритвой или ножом. Хулителям Бога и святых протыкали либо вообще отрезали язык. Свидетели лжеприсяги и божбы должны были заставить преступников пасть на колени и поцеловать землю, оскверненную богохульством. Ну а «продавших душу» дьяволу (то есть полностью оказавшихся в бесовской власти) «ведьм» в лучшем случае погружали в воду — дабы «смыть» скверну, а в худшем — подвергали «очищению огнем».

Богохульство в Европе Нового времени

Постепенно смертная казнь за богохульство, не связанное с ведовством и отрицанием христианских догм, начинает заменяться в Европе телесными наказаниями. Вместо членовредительства чаще применяется бичевание, из других наказаний — заключение в «смирительный дом», денежные штрафы, публичное покаяние. Сужается и объем данного преступления (например, к XVII веку отменяется судебное преследование божбы), распространяются идеи веротерпимости, последовательно проводившиеся Мильтоном, Спинозой, Локком, Монтескье, Вольтером, Гельвецием...

Европейские кодексы XVIII столетия по-прежнему включают преступления против Бога, но постепенно криминальная практика переходит от понятия посягательства на *божество* к понятию посягательства на *права верующих*. При этом богохульство отходит в область оскорблений, а покушения на свободу вероисповедания — в группу посягательств на свободу в целом. Таким образом, пресечению подлежит лишь то, что направлено на оскорбление религиозных чувств, подстрекательство к смуте или наносит материальный ущерб религиозным учреждениям.

Хотя до окончательной замены морального понятия *богохульство* правовым термином *оскорбление религиозных чувств* еще очень далеко, это переосмысление уже отражается в законодательствах большинства европейских стран. Например, французское право не предусматривало случаев богохуления, если они не сопровождались надругательством над священными предметами. Таковые надругательства наказывались штрафом от 16 до 500 франков или тюремным заключением от шести дней до шести месяцев.

Параллельно шел встречный процесс: постепенное отделение церкви от государства, распространение оккультных идей и анархических веяний настойчиво вызвали к протестному, а подчас и откровенно эпатажному «антиповедению». Наиболее ярко это отразилось в литературе и живописи позапрошлого столетия, достаточно упомянуть «проклятых поэтов» — Бодлера, Верлена, Рембо, Лотреамона — и близких к ним художников, например Ропса с его циничными карикатурами и откровенными до непристойности иллюстрациями.

«Цветы зла» Бодлера публично признают богохульными, издание запрещает цензура, поэта привлекают к суду. Рембо пишет на заборе «Смерть богу!», вместе с Верленом витийствует в литературном кружке с говорящим названием «Чертыхатели», рассказывает в дружеской переписке о верленовских четках из клешней рака и о том, как они «отвергли Бога и заново распяли Спасителя». Публикатор скандальных «Песен Мальдорора» графа Лотреамона отказывается распространять

их по книжным магазинам, опасаясь преследований за богохульство. Правда, порой все это искусственная демонизация деятелей искусства или мистификация наивных читателей. Скажем, тому же Рембо приписывали «Омегу богохульника» Лорана Тайада.

Отношение к богохульству в России

Древнерусское языческое право, не выделяя богохульство в специальное понятие, рассматривало всякий религиозный проступок как нарушение воли богов и ритуально-обрядовых установлений волхвов. Самый памятный пример кары такого проступка — в славянском мифе о вещем Олеге, известном в поэтическом переложении Пушкина. Великий князь новгородский и киевский «рече глумяся» над предсказанием кудесников о «смерти от коня своего» и был наказан богами. Наказание здесь свершилось по древнеримскому принципу «*Deorum injuriae diis curae*»².

В древнерусских памятниках христианского периода богохульство как таковое все еще не получает специального определения, обобщенно упоминаясь только в связи с другими религиозными преступлениями — чаще всего ересями и языческими суевериями. Например, Никоновская летопись содержит датированную 1371 годом характеристику: «Стригольники... злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы болванами...»³

Эпоха обрядового мышления, приверженности «старине» опасалась любого светского, «профанного» слова, заведомо подозревая в нем хулу божественного, искажение священного. Во многом отсюда начетничество богословов и буквализм летописцев, минимизация персональных оценок. Оскорбительной (в подтексте — богохульной) была любая критика традиций. Богохульством считалось все, что не относилось к «господствующему исповеданию».

Законодательное определение богохульства как религиозного преступления впервые фиксируется Соборным уложением Алексея Михайловича (1649) в первой же статье под названием «О богохульниках и о церковных мятежниках»: «Хула на господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую его пречистую владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников». Богохульников приговаривали к сожжению.

Краеугольным понятием случившегося затем церковного раскола и одним из его жупелов становится все то же богохульство. По-прежнему не имея точного юридического определения, это слово громыхало в отчаянных спорах расколоучителей и никониан, застило взор книжным «справщикам», просачивалось сквозь самые толстые монастырские стены. «Здесь книги все лживы, а здешние правила — кривила, а не правила; до Максима мы по тем книгам Бога хулили, а не славили», — горячо настаивал инок Вассиан, соавтор Максима Грека и ученик Нила Сорского.

Победа никониан задала четкие критерии оценки: все «неисправное» априори считалось богохульным, старообрядцы причислялись к богохульникам, критика церкви расценивалась как богохульство. Риторика раскола не признавала словесных полутонов. Точно так же не признавала их европейская Реформация: католик считал богохульником протестанта, протестант — католика.

² Лукьянов С. А. Богохульство как вид религиозного преступления в древнерусском и российском законодательстве в X — начале XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 5–11.

³ Цит. по: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI, гл. IV. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989. С. 216.

Объекты и разновидности богохульства впервые разграничиваются в Воинском уставе Петра I (1715): поругание и презрение имени Божия, поношение Божией службы, Слова Божия и Святых Таинств; поношение Богородицы и Святых ругательными словами. Первое преступление каралось прожжением языка с последующим отсечением головы, второе — «отсечением сустава» либо «лишением живота». Богохуление по легкомыслию, без злого умысла каралось «заключением в железо», вычетом жалованья за месяц или гонением шпицрутенами. За явное и особо серьезное поругание святой православной веры Духовный регламент (1721) предусматривал анафему — церковное проклятие.

Однако же в гневе или душевной слабости, из гордыни или по невежеству люди не переставали богохульствовать. И если в петровскую эпоху по «богохульным делам» в суде проходили в основном раскольники и сектанты, то позднее участились случаи бытового богохульства — учиненного вне каких-либо еретических убеждений. Вот лишь несколько выразительных образчиков 1730—1755 годов⁴.

Дворовый Иван Гурьев, бранясь на плохую погоду, поносил Господа такими словами: «Нельзя за мокротой в конюшню ходить. Я бы взял Бога и бил его в три плети и высек бы в проводку кнутом». Солдат Филипп Мандыхин, воротясь из караула, сказал в досаде: «Вчера было у Бога сухо, а ныне мокро, я бы взял Бога да кнутом и рассек». Крестьянин Петр Иванов в пылу спора со сборщиком податей горделиво изрек: «Я лучше Бога, Бог денег не платит, стоит на стене, а деньги платят они, крестьяне». Благодичный Иван Гурьев, пьянствуя в кабаке, «поучал народ не веровать Богу, называя Христа разбойником, Богородицу блудницей, а святых апостолов есаулами»...

Здесь впору остановиться и задаться нериторическим вопросом: почему сами же христиане (не иноверцы, не атеисты), иные из которых были весьма богобоязненными людьми, творили подобные бесчинства? Советская наука списывала это на неприятие «опиума» религии и якобы уже тогда зарождавшееся в народной среде свободомыслие. На поверку же все было куда проще. Объяснения обнаруживаются в самих следственных делах о преступлениях против веры. Вот что было сказано, например, при вынесении приговора крестьянину Евтихию Петрову, матерно костерившему святую Церковь: «Такое сквернословие учинено им... единственно яко от простолюдина по непросвещению крестьянского его состояния и по закоренелой грубости в бранной злобе от невоздержности и лехкомысленности»⁵.

На основании анализа 133 дел о богохульстве и кощунстве в России XVIII столетия известный историк Елена Смилянская заключает: большинство подобных преступлений состояло в пьяной или аффективной брани с поношением святынь. Эмоциональная распушенность, «преизлишнее пьянство», униженность несправедливостью, а порою просто невыносимое отчаяние от жизненных невзгод — вот главные причины богохульных речей. Выражаясь современным языком, основа богохульства — низкий уровень религиозной культуры. А тот факт, что богохульники изрыгали брань всерьез, обращаясь к святыням как абсолютно реальным и притом одушевленным объектам, лишь «от противного» подтверждал наличие веры, а отнюдь не безверия.

Как верно заметил в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев, «отступники откровенной религии более доселе в России делали вреда, нежели непризнаватели бытия божия, афеисты [атеисты]. Таковых у нас мало; ибо мало у нас еще думают о метафизике». Богохульство нередко проистекало как раз из твердой

⁴ Цит. по: Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретика. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII века. М.: Индрик, 2003. С. 211—213, 216, 218, 219, 224.

⁵ Смилянская Е. Б. Указ. соч. С. 212.

веры в одухотворенность крестов, икон, богослужебных книг. Согласно мирской логике, они подлежали осуждению и наказанию, подобно живым людям.

Так было в допетровской Руси, так было при Петре, так же в целом продолжалось и при Екатерине. Хотя российское законодательство екатерининской эпохи испытало заметное влияние европейского Просвещения, и сама императрица, состоявшая в переписке с Дидро и Вольтером, ратовала за смягчение наказаний за религиозные преступления. Устав благочиния, или Полицейский устав (1782), уже не предусматривал непременно сожжения богохульников (после 1738 года этот вид казни за религиозные преступления у нас вообще не применялся). Казнь все чаще заменяли ссылкой в «труды» или на «увещевание» в монастыри.

«Попов ругать — и слов не подобрать»

Особое место в ряду богохульных (в современном представлении — скорее кощунственных) речений занимают «смеховые» тексты. Ритуально-комедийное богохульство — это шутовские сцены *дьяблерий* (европейских средневековых спектаклей в составе мистерий) и пародирование религиозных текстов в поэзии *вагантов*, немецкие средневековые анекдотические рассказы *шванки* и *глумы* (насмешки) скоморохов над христианскими обрядами, народные святочные «беснования» и «срамные» частушки, «сумнительные» вирши-сатиры на Церковь и «непотребные писмишки» с поношением священников...

В России распространилось стихотворное сочинительство, бичевавшее пороки и злоупотребления духовенства: мздоимство, лживость, распутство. Правда, иные выходы духовных лиц в XVIII веке были похлеще перформансов акционистов. В 1734 году иеромонах Федор Чернышев загремел под суд за то, что на Пасху явился с крестом в дом воеводы Кочергина и пел там праздничный ирмос «Светися, светися» с громогласным завыванием: «Ты, воевода, в новой шубе обновися, половина ииаккая, а другая посацкая». Ошарашенный воевода воспринял «спектакль» исключительно как богохульство.

Не менее впечатляют «сумнительные» пословицы и прибаутки. Прежде всего, это пословицы явно богохульные, но их было все же не так много. *Грех такой стался, что сам бог усрался. Взял бы боженьку за ноженьку, да и об пол. Из одного дерева икона и лопата.* Бытовали также поговорки, выражавшие фамильярно-насмешливое отношение к обрядности — молитвам, постам, церковным службам. *Среда да пятница в доме не указчица. Пост не мост, можно и объехать. Бес и хлеб не ест, а не свят.* Наконец, самыми многочисленными были сатирические пословицы, из которых можно составить полное собрание пороков духовенства. *Поп что клоп — людскую кровь пьет. Поп захочет, саму правду опорочит. Язык поповский как день петровский.* Короче, *попов ругать — и слов не подобрать.*

Еще в XVII—XVIII веках распространялись в списках, «шалберных тетратях», а при поимке копиистов включались в следственные дела сатирические повести и шутовские сказания с нападками на духовенство⁶. Известное «Сказание о куре и лисице» осмеивает стяжательство и лицемерие священнослужителей. «Сказание о попе Саве и о великой его славе» в рифмованной форме обличает жадность попов. «Служба кабаку» («Праздник кабацких ярыжек») — злая пародия на ритуал всеобщей службы. «Повесть о бражнике» — высмеивание проповедей. «Калязинская челобитная» — разоблачение порочных монастырских порядков. «Сказание о попе

⁶ См., например: Адрианова-Перетц В. П. Образцы общественно-политической пародии XVIII — начала XIX века // ТОДРЛ. Т. III. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 335—366.

Савве» — стихотворная сатира на алчность священников. «Повесть о Карпе Сутулове» — ирония над их развращенностью.

Аналогичные мотивы широко известны и русской классике XIX века, вспомнить хотя бы пушкинскую «Сказку о попе и работнике его Балде», не говоря уже о крамольной «Гавриилиаде», где уже не комичный «поп — толоконный лоб», но сам Господь выведен действующим лицом, а в главной роли Дева Мария. Пушкину также приписывали злую эпиграмму на архимандрита Фотия, в числе прочих вольнодумных текстов послужившую поводом для южной ссылки поэта. Словно бы в память о грозном Бенкендорфе совсем недавно в Армавире издали вариант «Сказки о попе и работнике его Балде» с заменой попа на купца — как было до 1917 года в редакции Василия Жуковского.

Антиклерикальные мотивы, помещение сакральных текстов в профанные контексты, комическое цитирование Священного Писания присущи творчеству едва ли не всех поэтов XVIII — начала XIX века: Ломоносова, Державина, Дельвига, Вяземского, Горчакова, Батюшкова, Дмитриева, Гнедича...⁷ Критика церкви — и в сочинениях Фонвизина, Чулкова, Новикова, Радищева. А вспомнить знаменитый литературный кружок «Арзамас» — что это как не пародия устройства христианской общины и чем не аналог петровского Всешутейного собора?

Основные жанры «литературного кощунства» — эпиграммы, сатиры, дружеские послания, пародийные оды. Здесь архаические представления и цензурные запреты вступали в конфликт с идеей поэта-демиурга — выразителя высших истин, обладателя права свободного диалога с Богом — равного и одновременно противопоставленного священнослужителю. Иначе говоря, кощунства в литературе позапрошлого столетия не политические, не антиклерикальные и тем более не магические, а травестийные, «маскарадные», карнавалы (по Михаилу Бахтину).

Почему все смеховые тексты, связанные с религией и верой, даже в «просвещенном» XIX веке автоматически попадали в разряд богохульных? Потому что изображаемые в них предметы и понятия были сакральными, и здесь любой смех есть покушение на норму, нарушение культурного запрета. С позиции современности — это неоправданное обобщение, с позиции традиционного общества — непреложная данность. Отсюда же и непонятные современным людям цензурные запреты на употребление в светских текстах слов «небесный», «ангельский», «благодарить» и прочих, наделенных исключительно религиозными смыслами. Смешение сакральных и профанных понятий тоже считалось кощунством. Показательный пример — запрет баллады Василия Жуковского «Иванов вечер», в которой ревнители лингвистического благочестия усмотрели кощунственное употребление слова «знамень» в значении «знак».

Что же до профессиональных оценок «смеховых» текстов, то они заметно расходятся. Одни ученые относят подобные сочинения к «демократической сатире», проявлениям антиклерикальных настроений, творческим формам социального протеста или ко внутрицеховому «самоувеселению». Другие исследователи рассматривают смехотворчество как развлекательное сочинительство, «затейный народный обман». Третьи специалисты все же считают такие тексты пародийным кощунством «для рассеяния в народ непотребства». Аналогично нет и однозначной оценки сочинений Петра I для его «Сумасброднейшего, Всешутейшего и Всепьянейшего собора» — не то злоумышленной пародии на церковь и жестоко-лукавой игры с духовенством, не то экзотического русского варианта либертинажа, не то эпатажной практики разрушения стереотипов старорусского быта, не то про-

⁷ Живов В. М. Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века / Антимир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература: Сб. ст. М.: Ладомир, 1996. С. 189–231.

стого дурачества «гуляк у власти». Впрочем, здесь просматривается историческая логика: в дополнение к шокирующим экспонатам Кунсткамеры русскому барокко хотелось еще и словесных выкрутасов.

«Отреченные писания» и «богоотметные письма»

Особым родом хулы на Бога считались так называемые *отреченные писания* — колдовские заговоры с упоминанием христианских святынь наравне с бесовскими силами. Сюда же относили апокрифы и сочинения раскольников. В «доношениях», следственных делах и судебных протоколах подобные тексты часто так и назывались — «богохульные речи», а их авторы и чтецы — «богохульные чародеи». Заговоры были порой устрашающими, а порою и комичными. Так, известный в 1760-е годы серпуховский крестьянин-знахарь Петр Яковлев, «когда у кого зделаетца у тайного уда невстаниха», наливал в тазик водички и произносил над нею волшебные слова: «Далече, далече в чистом поле стоит Христов престол, а в том престоле госпожа пречистая Богородица». Говорят, помогало.

Об отношении к «отреченным писаниям» красноречиво свидетельствует практика их сжигания и замена рукописными копиями в следственных делах. Поступали так не только потому, что заговор был вещественным доказательством вины. Негласно считалось, что подлинник, даже не будучи в употреблении, порочит Господа и способен оморочить судей, посему как можно скорее должен быть уничтожен. Оставленный же по каким-либо причинам оригинал хранили с особой осторожностью, руководствуясь строгим предписанием: «Касающееся до волшебства писмо хранить в судейской каморе з печатью, дабы не подать к дальнейшему соблазну поводу».

Не менее экзотическим видом богохульства были «своеручные» *богоотметные письма* — договоры-сделки с дьяволом ради получения богатства, благоволения начальства, стяжания славы, успехов в любовных делах и прочих мирских благ. Авторов таких текстов именовали «богоотметными хулителями» и попросту «отметниками», «отречниками». Иные истории настолько драматургичны, что тянут на приключенческие романы.

Так, в 1733 году в московскую Синодальную контору явился молодой монах Саровской пустыни Георгий Зварыкин с повинной в преступном отречении от веры и прошением «милостиваго разсуждения, чтобы повелено было окончить жизнь в покаянии». Некий слепой старик якобы направил Зварыкина к странному «немчину» Вейцу, который, дескать, мог сделать так, чтоб люди «были добры». Для этого дьявол-Вейц сорвал со Зварыкина нательный крест и приказал проговорить страшные слова: «Отрицаюсь Христа и покаяния и готов последовать сатане и творить волю его». Затем велел начертать то же самое на бумаге и подписать собственной кровью.

«Отреченные писания» и «богоотметные письма» — наглядные примеры того, что хула может вести не к богоотрицанию, а лишь к противоположному полюсу сакрального — обращению к обитателям ада. Сакральное никуда не исчезает, как не исчезает икона при развороте обратной стороной — просто человек теряет ориентир в сакральном пространстве. Здесь и зоркое око клирика, и придирчивый прищур дознавателя, и неоткалиброванный наивный взгляд простолюдина — всего лишь разные позиции внутри одной метафизической системы. Богохульство лишь *иллюзия трансгрессии*, выхода за пределы сакральности. По той же причине и европейская инквизиция причисляла богохульников к одержимым бесами еретикам, а не к богоборцам.

Что в итоге? И мистериальные дьяблерии, и скоморошеские глумы, и сатирические сказания — весь этот причудливый сплав кощунства с комизмом демонстрирует неоднозначность, амбивалентность отношения к религиозным догматам: между литургией и лубком, ритуалом и ругательством, почтением и попираательством, злым умыслом и творческим вымыслом. Богохульство — это осмысление границ и масштабов сакрального, своеобразное «испытание на прочность» и «проверка подлинности» святынь. И почти всегда это трансгрессивный опыт, *выход за пределы* — нравственные (мораль), правовые (закон), психологические (терпение), личностные (персональные страхи).

Борьба с призраком методом рассечения

Призрак богохульства, доселе не пойманный в тенета терминов, попыталось рассеять российское «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» редакции 1845 года, где было сформулировано уже довольно четкое юридическое определение: «Богохульство — публичное посягательство на все, признанное священным православной церковью и христианской верой в целом». Борьбу с призраком решили «методом рассечения»: виды религиозных преступлений составили 81 статью — столько не было ни в одном европейском юридическом кодексе той эпохи. Из общего понятия богохульства вычленили случаи оскорбления святынь, оскорбления духовных лиц и нарушения благочиния в церквях. Разглашение ложных чудес и религиозное самозванство уже не относили к богохульству, но по-прежнему наказывали, соответственно, заключением в «смирительный дом» и лишением всех прав состояния и ссылкой в отдаленнейшие места Сибири.

В Уголовном уложении 1885 года богохульству — «публичному поношению Бога, соединенному с соблазном» — посвящены шесть статей, в целом сохранивших прежние положения. Основу богохульства составляют «поносительные выражения», каковыми считались высказывания, содержащие уничижительные нападки на святыни. Таким образом, из сферы преступлений окончательно выводились профанные высказывания (божба, легкие насмешки, пародии). Наказанию подлежали как умышленные речи с целью «поколебать веру присутствующих или произвести соблазн», так и неумышленные — по неразумению, невежеству, пьянству. Самая серьезная кара — лишение всех прав состояния, ссылка на каторжные работы от 12 до 15 лет, а также наказание плетью и нанесение клейма — полагалось за богохульство или порицание веры в храме.

Уголовное уложение 1903 года в общих чертах сохранило все эти позиции, изменив лишь некоторые формулировки и смягчив меры пресечения. За богохульство в церкви — срочная каторга или ссылка на поселение. За богохульство с целью соблазна присутствующих в публичном месте — уже не более трех лет «в исправительном доме или в крепости».

Однако, как видим, все позапрошое столетие богохульство считалось у нас серьезным преступлением и оставалось в ведении уголовного права. Неуважение к религии как основе гражданского союза подрывает основы государственного порядка — этой идеи твердо придерживались такие известные правоведы, как Богдан Кистяковский, Николай Таганцев, Николай Сергеевский, Леонид Белогриц-Котляревский⁸. При этом объектом правонарушения считались не божество и не религия, а церковь как признанная государством особая форма общения граждан. Ина-

⁸ Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904.

че говоря, богохульник оскорблял не само божество (оно, как поняли еще древние, недосягаемо для нападения) и даже не столько отдельных верующих, сколько государство в целом.

«Угодников уничтожай, умножай урожай»

Власть советская пришла — жизнь по-новому пошла. Полетели кресты с колоколен, посыпались ризы с икон, покатались клобуки с голов. В СССР богохульство как юридическое понятие отрицалось напрочь, поскольку сам Бог считался «выдумкой церковников». Кошунством же считались оскорбление вождей мирового пролетариата и критика коммунистической идеологии.

Богохульство фактически поощрялось атеистической политикой государства, побраталось с массовым искусством и обзавелось новыми жанровыми формами. Провокативные эпиграммы сменились глумливыми фельетонами для рассеивания «опиума для народа» и бичевания попов как «враждебного класса». В 1925 году возник «Союз воинствующих безбожников», под эгидой которого журналы «Безбожник», «Атеист», «Крокодил» исправно штамповали издевательские карикатуры и пафосные агитки. Появились новые антицерковные и антипоповские пословицы. *Икона для духа что сивуха для брюха. Чем к попу идти, лучше в клуб зайти. Не будет дела там, где поп за агронома правит...*

Не менее ярко богохульство отразилось в поэзии этого периода. По словам Ивана Бунина, сложно измыслить что-либо гнуснее и гаже стихотворения Анатолия Мариенгофа, в котором «хилое тело Христа на дыбе вздыбливают в Чрезвычайке». Хуже, по Бунину, разве что проза Исаака Бабеля. Правда, у Бабеля богохульные речи не от первого лица, вложены в уста персонажей: «Честным стервам игуменье благословенье!»; «Сашка-святитель у богородицы сифилис захватил»; «Я вижу раны твоего бога, сочащиеся семенем, благоуханным ядом, опьяняющим девственниц».

В 1933 году выходит «Антирелигиозная азбука», предлагавшая учить буквы с помощью циничных картинок и нехитрых изречений вроде: «Угодников уничтожай, умножай урожай». Почетные полки библиотек в период воинствующего атеизма занимали научно-популярные книги антирелигиозной направленности. Здесь и примитивные «просветительские» брошюры, и бойкая пропагандистская беллетристика, и вальжные псевдофилософские опусы, и сочинения для детско-юношеской аудитории чуть ли не в приключенческом духе.

Однако вот ведь что интересно. С одной стороны, сочиняли богомерзкие тексты, громили «поповщину», превращали храмы в отхожие места. С другой стороны, согласно переписи населения 1937 года, среди грамотного населения страны 45 % (более 30 млн) назвали себя верующими, а из неграмотных граждан — вообще 84 % (25 млн)⁹. И это в самый разгар сталинизма!

В устных повествовательных практиках лютовало «срамословие», но теплилось и его же осуждение. Сквозной мотив преданий — слепота как кара за поношение святынь: ослепленный неверием человек теряет зрение в прямом смысле, физически. Выразительные примеры этого назидательного параллелизма — в книге протоиерея Валентина Бирюкова «На земле мы только учимся жить». Один такой случай произошел в 1933 году в Нарымском крае Томской области: иконе завязали глаза — «чтоб боженька не увидел», как работники едят мясо в пост, а наутро самый упорный безбожник «света белого не взвидел», на сорок дней лишился зрения.

⁹ Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937 году // Исторический вестник. 2000. № 5 (1). С. 48.

Не менее любопытно, что в этих историях и вообще во многих ситуациях непочтительного отношения к святыням просматривается парадоксальная взаимосвязь богохульства с богобоязненностью. Поругание священного и одновременно трепет перед ним. Вспомним здесь одну из ключевых сцен «Братьев Карамазовых»: Смердяков, вешаясь, показывает иконе кукиш — то есть явно богохульствует. Но именно этим же самым признает Бога, отрицая лишь Его власть над собой.

В итоге выстраивается тройная система представлений. Богохульство, исходящее от верующего человека, — это своеобразная «антимолитва», крик отчаяния или бравада пред ликом смерти. Порой оно может переходить в *богоборчество* — ропот на Всевышнего, ниспровержение Его авторитета либо в протест против духовенства, служителей религиозного культа. Если же хула исходит от человека разочарованного, разуверившегося, ее можно определить как выражение *богоотступничества*, отпадения от веры. Ну а нападки атеистов в настоящее время расцениваются как *оскорбление религиозных чувств*, или оскорбление *верующих*.

Искусство или богохульство?

Новые возможности в XX веке и для религиозных рефлексий, и для религиозных перверсий дал кинематограф. И уже один из первых французских голосовых фильмов «Золотой век» (1930) Луиса Бунюэля вызвал шквал ярости: в зрительном зале распыляли слезоточивый газ, экран заливали тухлыми яйцами, у кинотеатра проходили акции протеста, а продюсеру картины церковь пригрозила отлучением. Но это было только начало «кинокошунств» — затем последовали не менее провокационные: бразильский фильм «Бог и дьявол на земле Солнца», французский «Монахиня», британский «Житие Брайана по Монти Пайтону», австрийский «Любовный собор»...

На этом колоритном фоне комедийный мультсериал «Папский городок» 2003 года выглядит вполне себе беззлобной пародией, однако возмущенные католики все равно закидали кинокомпанию гневными письмами — и мультик не вышел в широкий прокат. Жирную, но явно не финальную точку в этой киноэпопее ставит документальный фильм «Religulous»¹⁰ (2008), в котором ведущий общается с представителями разных религий, а в конце выражает «скромное сомнение».

Всю мощь художественной фантазии демонстрируют и писатели. Вот лишь несколько самых резонансных романов: «Последнее искушение Христа» Никоса Казандакиса — о схождении Иисуса с креста и женитьбе на Марии Магдалине; «Танцы в канун Иванова дня» Ханну Саламы — история с пьяной проповедью героя; «Ближе к тебе» Герарда Реве — со сценой совокупления с Богом в облике осла; «Евангелие от Иисуса» Жозе Сарамыго — о скупающем божьего отца и сыне-игрушке в его руках. Из произведений нынешнего века достаточно упомянуть знаменитый «Код да Винчи» Дэна Брауна с идеями нового гностицизма, за что автор неоднократно обвинялся в богохульстве. Промежуточный, но явно не окончательный итог подводит триллер Дугласа Престона под знаковым названием «Богохульство».

В ряду творческих феноменов особняком стоит *пародийная религиозность* — мировоззренческая провокация и духовный вызов, основанные на использовании гротеска, абсурда, черного юмора и нередко связанные с популярными произведениями литературы и кинематографа. В былые времена это уже само по себе сочли

¹⁰ Название образовано контаминацией английских слов *religious* («религиозный») и *ridiculous* («смехотворный»). В русском переводе фильм представлен под названиями «Религиотизм» и «Верующие».

бы явным богохульством, а сейчас такие движения плодятся с завидной регулярностью и имеют множество приверженцев: *дискордианство, пастафариаство, дудаизм, церковь субгеня, или НедоМудреца...* К настоящему моменту наплодилось столько неорелигий, альтернативных культов, нетеистических движений и прочих внеконфессиональных верований, что уже все сложнее понять, где феномены искусства и творческие практики, а где реальные факты богохульства. И если языческие *родноверие* или *неошаманизм* еще как-то соотносятся с традициями, то новейшие технократические культы выглядят совсем уж экзотически. Из последних наиболее известны *джедаизм* и *ситхизм* (основанные на идеях фантастической киноэпопеи «Звездные войны»), *матриксизм* (инициированный фильмом «Матрица»), *копимизм* (киберрелигия, обожеествляющая информацию).

Подобные псевдоверования способны вызывать разве что усмешку, но официальное признание — то есть регистрация таких групп как политических партий, общественных организаций — дает потенциальное право их участникам инициировать судебные разбирательства за оскорбление религиозных чувств. Хитро, не правда ли? Так, в Швеции с 2012 года официально признана Миссионерская церковь копимизма, а шестью годами ранее связанная с ней Пиратская партия Швеции получила два места в Европарламенте.

Особняком стоит *декларативное* — намеренно акцентированное и публично «саморазоблачаемое» — богохульство. Показное поругание святых как бравада, эпатаж, публичная поза. Яркая иллюстрация — скандальный цикл плакатов Авдея Тер-Оганьяна «Радикальный абстракционизм». Одна из работ представляет собой изображение двух черных кружков на розовом фоне и подпись: «Это произведение публично оскорбляет Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II». Здесь значимо не изображение, а сопроводительный текст. Аналогичный пример — созданный американской радикальной атеистической группой сайт «Вызов кошунства», предлагавший всем желающим произносить всего одну фразу: «Я отрицаю Святой Дух».

Подобные арт-практики обнаруживают неявный, но очень значимый момент: богохульство — это прежде всего вербальные и лишь затем физические действия. По-настоящему оскорбительны не вещи, а слова. Визуальный объект (картина, карикатура, фотография) не способен оскорбить сам по себе, чтобы стать кошунственным — ему нужны комментарии. Та же самая «словесная кунсткамера», только в декорациях постиндустриальной эпохи. Точно так же и живопись позапрошлого века (например, Василия Перова), обличавшая пороки духовенства и маловерие паствы, кошунственна лишь в дискурсе своей эпохи, где ее «озвучивают» цензурные циркуляры, судебные постановления и прочие разъясняющие тексты.

«Создатель сотворил мир — придите полюбуйтесь»

Сегодняшние публичные дискуссии об оскорблении чувств верующих строятся на оппозиции богохульства и свободы слова, которая нередко подменяется словесным произволом. Вспомним лишь самые резонансные случаи последних лет. Французский еженедельник «Charlie Hebdo» публикует шокирующие тексты и карикатуры вроде обнаженного Христа с презервативом. На станциях нью-йоркского метрополитена красуются граффити «Бог — бесплодный мечтатель»; «Создатель сотворил мир — придите полюбуйтесь»; «Человек сотворил Бога по своему подобию». Испанские феминистки пародируют крестный ход: вместо святых несут муляжи

женских половых органов, исполняют пародии на католические молитвы, выкрикивают оскорбления в адрес верующих. Российская команда «Pussy Riot» выступает со скандальным «панк-молебном» в храме Христа Спасителя. Интернет-портал «Рамблер» представляет уличную рекламу, стилизованную под «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи: собравшиеся играют в карты в сопровождении слогана «Найти себя. Ты ищешь — мы находим!». В соцсетях множатся глумливые посты против религии и веры, авторы которых получили прозвище «боганетки»...

При этом произведения актуального искусства, рекламные продукты, публичные акции обнаруживают неожиданный парадокс: их концептуальная основа логически близка — да-да! — теории иконописи. Святой образ представляет не прижизненного, но воскресшего Христа. Сравним два известных изображения Стефана Первомученика. На иллюстрации к Библии Гюстава Доре «Стефан Первомученик побит камнями за проповедь» (1864) показан истязаемый *человек* — в разодранной одежде, с искаженным болью лицом. А на картине Хуана де Хуанеса «Обвинение святого Стефана в богохульстве» (1562) мы видим прославленного *святого* — в священническом облачении, с просветленным ликом. Аналогично и современные практики обеспечивают себе «моральное алиби», оскорбляя не собственно святыню, а некое подобие, метапредмет. Манипулируют условными и вторичными объектами — *копиями сакрального*. Как если бы бранили не самого человека, а его тень или отражение в зеркале. Любой писатель, художник, режиссер, создатель рекламы может заявить: я не оскорбил Христа, а *изобразил факт* Его оскорбления современным обществом. Именно поэтому споры новейшего времени о богохульстве — бесконечны, а их рассуживание — бесполезно.

И пока некоторые священники призывают не относиться к святыням «пуритански», а ряд социологов вообще предлагают рассматривать богохульство как способ противостояния религиозному экстремизму, Брендан Пауэлл Смит мастерит библейские притчи из конструктора «Lego», Боб Саймон сооружает из того же «Lego» макет Ватикана, прихожане одной из шведских католических церквей воздвигают «лего-статую» Христа. Верующие носят майки с изображениями святых и отмечают крестиками-эмодикономы позиции интернет-переписки, в которых осеняют себя крестным знаменем. Вселенский Всешутейный собор эпохи глобализма.

В 2011 году Архиерейский собор обнародовал программный документ¹¹, дающий моральную оценку богохульства и разъясняющий его отличия от религиозной критики. Богохульством здесь названо «оскорбительное или непочтительное действие, слово или намерение в отношении Бога и церкви». Собор акцентирует «противоправность богохульного или кощунственного высказывания» и предлагает «обращаться в правоохранительные органы с просьбой возбудить уголовное дело». Некоторые поправки были внесены и в российское законодательство. Если прежде Уголовный кодекс РФ не включал богохульство в перечень преступлений, за исключением отдельных случаев разжигания религиозной вражды, актов вандализма, препятствования санкционированным богослужениям, то в 2013 году ответственность была увеличена. Согласно статье 148, «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, наказываются штрафом в размере до 300 тысяч рублей».

Между тем ни догматические уточнения, ни юридические коррективы ожидаемо не привели к единообразию мнений. Спорит и мир, и клир. Богохульство по-прежнему остается предметом неутихающих баталий — от архаичных обличений вроде «креста на вас нет!» до новомодных ярлыков типа «православие головного

¹¹ Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2011. 4 февраля.

мозга». Однако сама проблематизация современным обществом спорных вопросов религии и веры все-таки внушает некоторый оптимизм. И неважно, какова основная причина: усиление религиозной вражды или все-таки постепенное осознание того, что неуважение к святыням превращает социум в «дикое поле». Что всякое поношение сакрального — это искажение человеческой природы, важнейшее свойство которой — сострадание, а одно из ключевых понятий — понятие нормы.

Выходит, любой спор о богохульстве — апологетический или агонистический — это *проблематизация нормы*, причем не в противопоставлении ее наличия или отсутствия (норма существует априори), а в оппозиции соблюдения или нарушения. Богохульник насмехается над наивной верой «простаков» в несуществующего Бога, обличает Его бездействие в трудные моменты жизни либо упрекает в равнодушии к людским страданиям. Богохульство — своеобразный *метаязык* для описания человеческих страхов и сомнений в минуту опасности, отчаяния, смятения чувств. Как Распятие — нечто гораздо большее, чем тело на кресте, так и богохульство отнюдь не просто оскорбление святынь. Это перевернутое, искаженное отображение того, как Человек постигает Бога. «Антиспособ» познания священного и одновременно апофатическое доказательство его существования.